

(Место: Саске)

В течение короткого мгновения он ничего не видел, только черноту перед глазами. Это было комфортное ощущение, поскольку он был с ним хорошо знаком. Но большинство остальных не были знакомы, что было заметно по тому, как быстро они дышали. "Теперь у нас есть только один выбор", - объявил Гэндальф, когда свет от кристалла на его посохе вернулся и позволил остальным видеть. "Мы должны встретить долгий мрак Мории". Он медленно пошел вперед, указывая дорогу. "Будьте начеку", - предупредил он остальных членов Братства. "В глубине мира есть более древние и более мерзкие, чем орки, существа".

"Это не то, что нам нужно знать сейчас, старик", - подумал про себя Саске, шагая вперед, рядом с Леголасом и впереди Гимли и хоббитов. Боромир и Арагорн прикрывали тыл.

Все они шли осторожно, стараясь не наступать на мертвых. "Теперь тихо", - сказал им Гэндальф шепотом, который все могли слышать. "Путь на ту сторону займет четыре дня. Будем надеяться, что наше присутствие останется незамеченным".

Все тоже на это надеялись. Когда они поднялись по лестнице, любопытство Гимли взяло верх. "Прости меня, Саске", - сказал он стоящему перед ним человеку низким голосом. "Но я должен знать, что именно ты сделал с этим существом".

"Что ты имеешь в виду?" так же тихо спросил в ответ Саске.

"Я говорю о той штуке с молнией в твоей руке. Если у тебя была такая вещь, чтобы использовать ее, почему ты не зарядил существо, когда у тебя была возможность, вместо того, чтобы бросить его в воду?"

"Это потому, что я думал, пока сражался. Электричество может проходить через воду и на суше, поэтому я подумал, что это безопасно. Если бы существо все еще находилось в воде, когда ударило электричество, оно также было бы поражено молнией."

"А как называется твое оружие?" - спросил гном. "Того, которое ты использовал, чтобы расправиться с существом?"

"Оно называлось Чидори Сенбон", - ответил он.

"Значит, оно похоже на то, что ты делал на Карадрасе".

"Только в том смысле, что они оба - дзюцу молнии", - сказал Гимли, когда они закончили подниматься по лестнице. Позади них Боромир осторожно достал факел, который он нашел на стене, и быстро зажег его, осветив заднюю часть Братства. "В остальном они не похожи".

Если у него и были какие-то другие вопросы, Гимли не стал задавать их в этот момент. Ведь они прошли через короткий туннель в конце лестницы и вошли в одно из самых больших помещений, которые Крабандир когда-либо видел.

Путь, по которому они шли, не был прямым, как стрела. Она извивалась и изгибалась вокруг скоплений, глыб и естественных шпилей - все из окружающего их камня. То, что не было естественным, все равно впечатляло. Если ему нужно было угадать, то место, через которое они шли, со всеми его деревянными подмостками, мостами и ведрами, свисающими с проводов, было одним из районов добычи полезных ископаемых.

Он был не одинок в своих наблюдениях. Остальные смотрели вокруг с молчаливым благоговением на лицах. Все они были впечатлены увиденным. Но благоговение в их глазах и на их лицах сменилось чем-то другим, взглядом удивления и неуверенности. Саске знал, что означает этот взгляд. У остальных членов Братства на уме был вопрос, который был и у него самого: каким было бы это место, когда оно было оживлено гномами?

"Наверное, здесь было бы не так тихо", - говорил себе Саске, пока они шли дальше. Тропинка уводила их от центра местности, и теперь они шли рядом с одной из скальных стен. Только взглянув на стену, он понял, насколько обширную добычу вели старые гномы. "Должно быть, в этих шахтах было много золота или драгоценностей, раз гномы так много нарыли", - тихо прокомментировал он остальным членам Братства.

"Вот тут ты ошибаешься, Саске", - сказал Гэндальф, слегка надавив рукой на прожилку металла в скале. "Богатство было не в золоте или драгоценностях, а в митриле". Он опустил свой посох и призвал больше света, позволяя им всем увидеть больше Шахт.

Хотя за свою жизнь Саске видел несколько шахт, все они были сделаны людьми. И в том, насколько большими и глубокими были эти шахты, гномы их превосходили. Ведь глубина, которую он видел сейчас, была совершенно бездонной, и он не мог разглядеть оболочку этой огромной пещеры. Не было видно и другой стороны, но он списал это на то, что свет падал далеко.

Но была одна вещь, которая беспокоила его, и он рисковал показаться идиотом, задавая ее вслух. Но он все равно спросил. "Что именно представляет собой митрил?" спросил он, когда свет померк. Он читал о нем, но не знал точных подробностей.

Ему ответил Гимли. "Митрил, парень, - это величайшая драгоценность, которую можно найти в мире, и не зря", - начал объяснять гном, когда они снова начали идти. "Его можно бить, как медь, и полировать, как стекло. В руках гнома из него можно выковать доспехи, которые были почти легкими, как воздух, но при этом тверже самой прочной стали и железа".

"К сожалению, в наши дни митрил стал довольно редким", - сказал Гэндальф, вступая в разговор. "Последний раз я видел доспехи из митрила только в кольчуге, которую Торин подарил Бильбо. Я никогда не говорил ему об этом, но ее стоимость превышала стоимость Ширы".

"А! Это был королевский подарок", - согласился Гимли. "Но даже он меркнет перед тем, что пытались создать мой кузен Балин и гномы, пришедшие с ним".

"Что ты хочешь этим сказать, Гимли?" спросил его Мерри.

"После того как Мадара одержал победу в поединке со Смаугом, Компания была ему бесконечно благодарна. Тринадцать гномов поклялись, что если он попросит их о чем-нибудь, они с радостью выполнят его просьбу. Все, о чем он просил, - это костюм из митриловых доспехов в стиле его родины, поскольку его собственный был сильно поврежден и позже был уничтожен в Битве пяти армий. Увы, такого костюма в огромной орде Смауга не было, поэтому гномы пообещали выковать его для него. А когда гном дает такое обещание, он его выполняет. Даже после того, как Мадара покинул Эребор и исчез, они не оставили этого обещания и использовали весь имеющийся у них митрил для создания этих доспехов. Одна из важнейших причин, по которой Балин пытался отвоевать Морию, заключалась в том, что они могли использовать имеющийся там митрил для отделки доспехов, взяв его с собой".

"Это впечатляющая история, Гимли", - сказал ему Гэндальф. "Но я сомневаюсь, что мы найдем

здесь такие доспехи, законченные или нет. Давайте лучше сосредоточимся на том, чтобы благополучно добраться до другой стороны Шахт".

Никто не мог оспорить эту идею, поэтому они замолчали и последовали его примеру. Путь, по которому он их вел, был то узким, то широким. Он вел их через узкие туннели, маленькие коридоры и широкие участки Шахт, показывая, как далеко и много гномы навозили за время своего пребывания там. По пути они поднимались и спускались по лестницам, некоторые из них были крутыми, а некоторые - нет. Утешало их, больше всего Гимли, то, что, пока они шли по тропе, им не попадалось больше мертвых гномов. Это давало им надежду, что в живых еще остались живые.

Поскольку они не видели ни солнца, ни неба, у них не было правильного ощущения времени. Они шли так далеко и так долго, как только могли, пока не нашли тихое место, где можно было бы разбить лагерь на время. Поскольку было почти наверняка, что они не одни в Шахтах, они разводили костры только тогда, когда в них была острая необходимость. Они очень помогали тем, кто стоял (вернее, сидел) на страже, пока остальные спали.

Именно в таком положении оказались Саске и Арагорн: в ту ночь им выпал жребий дежурить первыми, и они сидели вокруг небольшого костра, пытаясь согреться у него. Как показалось, долгое время они сидели в тишине, не говоря друг другу ни слова.

Первым нарушил молчание Арагорн. "Саске, я хочу поговорить с тобой кое о чем", - обратился он к человеку, сидевшему напротив него у костра.

"О чем?" спросил его Крабандир.

"О том, что ты сказал в пещере во время бури, думаешь ли ты, что можно совершить злое деяние во имя добра?" Мысль об этом молча терзала его с тех пор, как они покинули пещеру и оказались у стен Мории.

Шиноби кивнул. "Да, это так. Но кто-то может совершить и добрый поступок во зло". Всегда было важно помнить об этом.

"Но как тогда узнать, когда человек совершает добрый поступок во зло или злой поступок во благо?"

В ответ он пожал плечами. "Это зависит от человека".

"От человека?" - повторил озадаченный Арагорн, слегка нахмурившись при этих словах.

"Несмотря на то, что тебе могут сказать люди, твое будущее не определено до твоего рождения, и нет единого определения добра или зла. Ты решаешь все эти вещи с помощью великой и ужасной вещи - выбора".

Это привело его в замешательство. "Как выбор может быть ужасной вещью?" - потребовал он.

"Я сказал "великая и ужасная". Все, что мы делаем в этом мире, связано с выбором. Почему мы разбили лагерь здесь, а не позже или раньше? Почему мы пошли в Морию, а не рискнули в Роханской пропасти? Выбор, который мы делаем, определяет нас в нашей жизни, а также наши определения того, что есть добро и что есть зло". Он посмотрел на рейнджера. "Почему ты задаешь эти вопросы?"

Арагорн колебался, прежде чем ответить. "Я думал об Исилдуре и о том, что он сделал, когда

снял Кольцо с пальца Саурана. Мне интересно, действительно ли он был околдован Кольцом, или же он решил оставить его себе".

"... Скажи, твой предок был дружен с моим?" спросил Саске .

"Да, думаю, да. Владыка Элронд часто рассказывал мне о том, как они дружили во времена Последнего Союза". Владыка Ривенделла также рассказывал о том, что человек, которого они знали как Каге, ничего не сделал, чтобы помешать Исилдуру завладеть Кольцом.

"Тогда, возможно, у них был тот же разговор, что и у нас. Возможно, Исилдур принял то, что сказал ему Индра, за правду. Возможно, он планировал стать тем, кто примет на себя ненависть и страх быть Кольценосцем. Возможно, он планировал стать третьим Темным Властелином, чтобы другие знали, кто их враг. Возможно, он планировал совершить злое деяние во имя добра".

"Об этом... интересно подумать, - признал наследник гондорского престола. Если Исилдур планировал совершить нечто подобное, возможно, это означало, что он решил сделать это, а то, что его убили из засады, было просто невезением.

"Тебе решать, что думать о своем предке, Арагорн. Я лишь сказал "возможно".

Он посмотрел на вороноволосого мужчину. "Но я не думаю, что ты пришел бы к этим ответам, просто подумав о них. В прошлом с тобой что-то случилось, не так ли?".

Саске нахмурился. "Это не твое дело".

"Это простой вопрос, Учиха Саске ", - сказал Гэндальф, когда его глаза открылись, чтобы увидеть огонь перед собой.

"Как давно ты проснулся?" - спросил шиноби, поворачивая голову, чтобы посмотреть на волшебника.

"Недолго. Я проснулся только после того, как Арагорн задал тебе свой вопрос. Ты не собирался отвечать на его второй вопрос?"

"Это тоже не твое дело, старик", - огрызнулся он, начиная злиться.

Волшебник посмотрел на него глазами, которые казались торжественными и одновременно печальными. "Это простой вопрос, Саске ".

"Обычно на такие вопросы тебе не нравится ответ". Он знал это слишком хорошо.

"Возможно", - сказал Гэндальф, казалось, возвращая ему его собственные слова. "Но я нахожу, что именно они сближают друзей и компаньонов. И я не думаю, что ты хочешь оставаться чужаком в этом Братстве".

"Как я могу быть чужим, если я прошел с вами такой долгий путь?"

"Если отбросить тот факт, что ты потомок Мадары, и тот факт, что ты находишься в этих землях уже десять лет, что мы действительно знаем о тебе?"

Он молчал, потому что знал ответ на этот вопрос. Ничего, они ничего о нем не знали. "Хорошо, вы хотите знать, что случилось, я скажу вам, что случилось. Это случилось с моим старшим братом".

"И что же сделал твой брат, чтобы заставить тебя думать о таких вещах?"

"Убил весь мой клан и оставил меня в живых", - ответил он, получая небольшое удовольствие от выражений ужаса и шока на их лицах. "Вы хотите, чтобы я объяснил, или вы хотите остановиться на этом?"

Гэндальф закрыл глаза, глубоко вздохнул и снова открыл их. "Продолжайте, пожалуйста".

Видя, что он попал в ловушку собственных слов, у него не было выбора. "Мой брат, Итачи, был всем, кем я хотел стать, потому что он был идеальным шиноби. Все уважали и признавали его. Я хотел быть им. Однажды поздно вечером, вернувшись домой, я обнаружил, что весь мой клан уничтожен, и виноват в этом был он. Он оставил меня в живых, потому что решил, что я не стою таких усилий. Из-за той ночи и того, что он мне сказал, я больше не хотел быть им. Я хотел убить его.

Он видел выражение их лиц, но продолжал. "Это желание не отпускало меня, пока я рос и тренировался. Оно возросло еще больше, когда я снова увидел его и попытался напасть на него, но был легко побежден. Меня охватило желание убить брата, и я добровольно оставил свой дом и деревню, чтобы пойти к предателю и учиться у него. Узнав от него все, что мне было нужно, я предал и его, оставив умирать. Я отправился на поиски своего брата и, найдя его, сразился с ним. В конце той битвы он был мертв, а я жив".

"Клянусь Валар", - тихо сказал волшебник среди них. Он ожидал чего-то плохого (он видел это по тому, как шиноби говорил и держал себя), но ничего подобного.

"О, я еще даже не начал, старик", - сказал он, услышав его. "Когда я потерял сознание, а затем очнулся, меня забрал другой член моего клана, тот, кого долгое время считали мертвым и который помог Итачи убить их всех. Он рассказал мне причину, по которой Итачи убивал свою кровь".

"Была причина?" спросил Арагорн. В свое время он повидал немало убийств и пришел к выводу, что для этого не обязательно иметь причину.

"О да, причина была. Видите ли, мой клан планировал восстать из-за оскорбления. И поскольку Итачи в то время работал так близко к Хокаге, они использовали его, чтобы шпионить за деревней. Но он был более предан деревне, чем клану, и стал двойным агентом. Когда стало слишком поздно для мирных переговоров, старейшины деревни приказали ему убить их всех. И он сделал это, за исключением меня.

"Когда я узнал об этом, я пообещал уничтожить ту самую деревню, в которой родился, начиная со старейшин, которые приказали ему убить их. Мне даже удалось убить одного из них. Потребовалось поговорить с духами моего умершего брата и предыдущих Хокаге, чтобы я понял, что Итачи действительно сделал, и отказался от своего обещания уничтожить деревню. Теперь я хотел уничтожить весь мир, который я знал, и перестроить его на что-то лучшее. В какой-то момент на этом пути, который был моей жизнью, я стал тем, кем, как я думал, был мой брат: чудовищем".

Они молча смотрели на него в течение долгого времени. "Ты не чудовище, Саске", - наконец сказал Арагорн. "Во-первых, ты не похож на него".

"Монстр - это еще одно из тех слов, которые имеют много значений и определений, Арагорн. И дело не всегда во внешности", - ответил он.

"Если ты хотел уничтожить то, что ты знал как мир, и все же оказался здесь десять лет спустя, я полагаю, что-то случилось?" спросил Гэндальф.

Гнев, который он испытывал по поводу того, что они расспрашивают о его жизни, угас при этих словах, потому что он все еще помнил, что произошло, что заставило его прийти в Средиземье. "Да, кое-что произошло. Если у моего плана по воссозданию мира шиноби был хоть какой-то шанс на успех, мне пришлось убить человека, которого я считал своим лучшим другом. Он был единственным, кто мог остановить меня, и он это сделал".

"На поле боя, где мы сражались, в конце он одержал победу надо мной. Он мог покончить с моей жизнью прямо там и тогда, и, возможно, это было бы лучшим выбором. Но вместо этого он протянул мне руку, и когда я взяла ее, он поднял меня на ноги и сказал, чтобы я уходила. Я так и сделала, и за те десять лет, что я провел в Средиземье, я понял то, о чем рассказал вам всем. Мой брат был тем, кто должен был нести тьму, и я планировал сделать это, воссоздав мир шиноби. Только мне это не удалось, но я знаю, что такое тьма".

Когда они замолчали, он посмотрел на них обоих. "Я ожидаю, что вы оба не расскажете об этом остальным. Им не нужно об этом знать, и это не имеет никакого отношения к нашему походу".

"Конечно", - сказал Арагорн, кивнув головой в знак согласия.

"Думаю, ты должен быть рад, что у тебя был такой хороший друг, который позволил тебе жить", - сказал Гэндальф вороноволоному шиноби.

"Да, я рад". На этом он ушел, и они тоже.

Он лег спать, когда проснулась следующая вахта, а когда проснулся, пришло время снова трогаться в путь. На тропинке становилось все больше крутых лестниц, таких, по которым низкорослым членам Братства приходилось подниматься на руках и ногах. "Хорошо, что мы оставили Билла позади", - думал Сэм, пока они поднимались.

Когда они добрались до верха крутой лестницы, то увидели перед собой три коридора. Гэндальф поднялся еще на несколько ступеней, затем остановился и посмотрел на три коридора. "Я ничего не помню об этом месте", - заявил он. Все остальные знали, что это не очень хорошо.

Они развели небольшой костер, чтобы согреться в ожидании. Гэндальф сидел перед тремя коридорами, а Саске прислонился к соседней стене. Фродо сидел у меньшей глыбы камней. Когда он бросил осторожный взгляд за спину, то увидел нечто такое, что заставило его обернуться. Что-то двигалось вверх по лестнице, что-то маленькое и быстро входило и выходило из тени. Потеряв его в тени, он подошел к Гэндальфу. "Там внизу что-то есть", - сказал он.

"Это Голлум", - сказал ему Волшебник, не отрывая взгляда от коридоров.

"Голлум?" - повторил он, удивленный тем, что услышал это слово. Но когда Саске услышал его, он подался вперед и посмотрел вниз, его Шаринган засветился и стал искать.

"Он преследует нас уже три дня", - сказал Гэндальф.

"Он сбежал из подземелий Барад-дура", - сказал хоббит, осознав это.

"Сбежал... или был отпущен", - поправил волшебник, наконец взглянув на него. "И теперь Кольцо притянуло его сюда. Он никогда не избавится от потребности в нем. Он ненавидит и любит Кольцо, как ненавидит и любит самого себя. Жизнь Смеагола печальна". Он заметил выражение лица Фродо. "Да, Смеаголом его звали, пока Кольцо не нашло его, пока оно не свело его с ума".

"Жаль, что Бильбо не убил его, когда у него была возможность", - проворчал хоббит, бросив взгляд назад, на лестницу.

И Гэндальф, и Саске резко посмотрели на него, услышав эти слова. "Жалость?" - повторил Гэндальф. "Именно жалость остановила руку Бильбо. Многие живущие заслуживают смерти, а некоторые умирающие заслуживают жизни. Сможешь ли ты дать ее им, Фродо?" Хоббит не нашелся, что ответить. "Не занимайся смертью и судом. Даже очень мудрые не могут видеть всех концов. Сердце подсказывает мне, что Голлumu еще предстоит сыграть какую-то роль, во благо или во вред... прежде чем все это закончится".

"Он уходит", - тихо сказал им Саске. Он смотрел, как существо внизу ускользает, деактивируя свой Шаринган.

"Жалость Бильбо может решить судьбу многих", - сказал волшебник хоббиту.

Фродо выглядел неуверенным, поэтому шиноби заговорил. "Фродо, никогда не ненавидь кого-то до такой степени, чтобы хотеть его убить. Ты станешь на его место, если сделаешь это". Серый волшебник бросил на него взгляд, но не ответил.

Кольценосец, казалось, немного успокоился и сел рядом с ними. "Я хотел бы, чтобы Кольцо никогда не приходило ко мне", - признался он. "Я хотел бы, чтобы ничего этого не случилось". Сейчас он хотел бы вернуться в Шир и спокойно жить в Бэг-Энде.

"Как и все, кто доживет до таких времен, но не им это решать", - сказал ему Гэндальф. "Мы должны решить, что делать с отпущенным нам временем. В этом мире действуют и другие силы, Фродо, помимо воли зла. Бильбо было суждено найти Кольцо, в таком случае и тебе суждено найти его, чтобы заполучить. И это обнадеживающая мысль".

"Я бы сказал, что это скорее напоминание, чем ободрение", - заметил Саске, привлекая их внимание.

"Почему ты так говоришь, Саске?" спросил его Фродо.

"Я знаю, что ты чувствуешь, Фродо, даже если я не ношу Кольцо. Ты чувствуешь, что не можешь этого сделать. Что цель, ради которой ты отправился в путь, невыполнима, и что будет лучше повернуться и уйти. Но как только ты повернешься, ты проиграл".

"Тогда что же мне делать?"

"Это что-то очень простое. Все, что тебе нужно сделать, это вспомнить, почему ты зашел так далеко, и сделать шаг вперед. Потом еще один шаг, и еще, и еще, пока ты снова не начнешь ходить". Он чувствовал себя так несколько (очень несколько) раз, когда тренировался, чтобы убить Итачи. Это напоминание было той ночью, и этого было достаточно, чтобы он продолжал идти.

"Очень мудрые слова, Саске", - сказал ему Гэндальф. "Я вижу, у тебя есть своя мудрость о том, как продолжать двигаться вперед".

"Да, есть", - признался он, отворачиваясь от волшебника. Это было странно, но с тех пор, как началось это путешествие, старик стал чувствовать себя странной смесью Сандайме Хокаге и Итаци. Он не знал, как к этому относиться, и какая-то часть его души подсказывала, что нужно называть волшебника по имени, ведь он это заслужил.

"Конечно, грустно и страшно слушать о том, как двигаться дальше, от того, кто никогда не нес этого бремени", - заметил Фродо, лишь запоздало сообразив, что, возможно, прозвучало как оскорбление.

Но если Крабандир и услышал оскорбление, он не показал этого на своем лице. "Нет, печально и страшно то, что ты получил это от самого молодого человека в Братстве", - ответил он.

На лице хоббита отразилось удивление и шок. "Что? Ты уверен?" - не мог не спросить он.

Вороненоволосый мужчина кивнул. "Мне двадцать семь".

Он не знал, смеяться ему или нет. Он никогда бы не подумал, что человек с Южной Земли окажется самым молодым из всех. По тому, как он держался и как говорил, казалось, что он намного старше. Но он был моложе Пиппина, который был самым молодым из четырех хоббитов! К счастью для него, Гэндальф остановил его от выбора, сказав: "О!" Оба глаза смотрели на него, когда он это произнес. "Это туда!" - сказал он им, жестом указывая на один из коридоров.

Это заявление привлекло внимание остальных членов Братства. "Он вспомнил!" сказал Мерри, вставая и откладывая трубку. Когда остальные члены Братства собрались вокруг волшебника, Сэм быстро потушил огонь.

"Нет, но внизу воздух не пахнет так дурно", - ответил Гэндальф, стоя перед входом в коридор и надевая шляпу на голову. "Если сомневаешься, Мериадок, всегда следуй за своим носом".

" Думаю, я буду следовать своим глазам", - подумал про себя Саске, когда они начали спускаться по ступенькам в коридор. Он был меньше, чем лестница, по которой они поднимались сюда, так что спускаться было легче, чем подниматься.

Свет от посоха Гэндальфа был единственным источником света. Чем дальше они спускались, тем меньше видели света от входа в коридор. Но единственный, кто чувствовал себя комфортно в окружающей темноте, был Саске. Он держался немного позади, оставаясь на полпути между светом и темнотой.

Когда они добрались до самого низа, перед ними была лишь крошечная тьма. "Позвольте мне рискнуть и добавить немного света", - тихо сказал волшебник среди них, призывая больше света из кристалла. Это сработало, и тьма была пронзена, позволяя им увидеть, что там находится. "Узрите великое царство гномьего города Дварроудельфа".

Свет показал гигантские витиеватые колонны из камня, которые шли от потолка (который был очень высоко) до пола и тянулись на мили и мили. Воистину, это было все, что они могли видеть, и это поразило их. Сэм подытожил то, что они почувствовали от этого зрелища. "Вот это зрелище, и не ошибся".

"Так и есть, Сэм", - согласился Саске, когда они начали идти вперед, в лес колонн. "Напомни мне, чтобы я никогда не приводил сюда шиноби из Ива. Скорее всего, они попытаются его уничтожить".

"И зачем твоему народу уничтожать такую вещь?" спросил Гимли с предупреждающим тоном в голосе.

"Они не мой народ. Они из Земли; я же был из Огненной Земли. И они, вероятно, сделали бы это из ревности". Это заявление вызвало взгляды, как маленькие, так и большие, поэтому ему пришлось объяснить. "Шиноби из Ивагакуре, деревни, скрытой скалами, считаются мастерами дзюцу Дотон, что на вашем общем языке означает "Стиль Земли". Все это делает их похожими на дилетантов". Он жестом показал на все колонны, через которые они проходили, чтобы подчеркнуть свою точку зрения.

"Тогда, как представитель гномов, находящихся сейчас в Хазад-Дюме, я буду гордиться тем, что они будут завидовать чему-то великому", - заявил Гимли. "А теперь скажи мне, мастер эльф, впечатлен ли ты тем, что видишь?" - спросил он Леголаса.

"Да, это так", - признался принц эльфов. "Я никогда не видел ничего подобного за всю свою долгую жизнь".

Гном усмехнулся, услышав эти слова, гордый тем, что заставил эльфа признать, что гномы могут построить нечто такое, что поразит его самого. Его ухмылка угасла, когда он увидел неподалеку дверь, из которой исходил свет. С коротким вздохом удивления и надежды он побежал к ней. "Гимли!" - позвал Гэндальф.

Но он не слушал. Он просто вбежал в комнату, надежда ускоряла его путь. Но его надежда и скорость исчезли, когда он увидел, что в комнате находится гробница. Свет, который он видел, светил на надпись на гробнице. "Нет", - сказал он, и это прозвучало как желание и молитва. Но ни то, ни другое не сбылось. Он прекрасно читал надпись и знал двулезвийный топор, лежавший на могиле, так как видел его в юности. "Нет", - повторил он, опустившись на колени. "Нет". В его глазах заблестели слезы.

Остальные члены Братства вошли в комнату, оглядывая множество скелетов, лежащих вокруг гробницы. Гэндальф подошел прямо к гробнице и прочитал надпись. "Здесь покоится Балин, сын Фундина, владыка Мории". Он посмотрел на топор. "Это топор, который дал ему отец, когда он достиг совершеннолетия".

"Да", - согласился Гимли голосом, полным эмоций. "Он никогда не пользовался им, утверждая, что он тяжел и громоздок в его руках. Он всегда предпочитал свою булаву с плоским лезвием". Упоминание об этом оружии показалось гному последней каплей, у него потекли слезы, и он заплакал.

"Значит, он мертв", - объявил волшебник, снимая шляпу. "Все так, как я и боялся".

Все они стояли у гробницы и молча смотрели на нее. Единственным звуком, который был произнесен, был Гимли и его слезы. Как только минута молчания закончилась, Саске начал осматриваться. Это место явно было местом битвы, которую гномы проиграли. Возможно, это был последний бой. Если это так, то они, должно быть, были на последнем издыхании. Он не мог не задаться вопросом, не ушли ли они, потому что не могли или не хотели оставить своего повелителя. У него было ощущение, что это было последнее. Гномы казались преданными, если судить по тому, что он наблюдал за Гимли и читал о них.

Когда он огляделся, что-то привлекло его внимание. "Что это?" - спросил он себя, глядя в угол, где что-то было. Что бы это ни было, оно было покрыто паутиной и грязью.

Тем временем Гэндальф тоже начал осматриваться. Он заметил, что один из скелетов-гномов

рядом с гробницей держит в руках большой фолиант. Он отдал свой посох и шляпу Пиппину, чтобы его руки были свободны. Когда он наклонился, чтобы поднять фолиант, то остановился в замешательстве. Он узнал стоявшего перед ним гнома. "О, Ори, мне так жаль, что ты погиб", - сказал он. Когда Гимли услышал эти слова, из его глаз потекли слезы.

Когда волшебник взял фолиант и сдул с него пыль, Леголас повернулся к Арагорну. "Мы должны идти дальше", - сказал он. "Мы не можем задерживаться".

"Они захватили мост и Второй зал", - начал читать вслух Гэндальф. Он нахмурился и провел пальцем по странице, перебирая слова, пока не нашел следующие, пригодные для чтения. "Отряд Уина ушел пять дней назад, но сегодня вернулись только четверо. Бассейн находится до стены у Западных ворот. Наблюдатель в воде забрал Оина".

При этих словах Гимли снова зарыдал. Он потерял не только своего двоюродного брата, но и дядю. Тем не менее, Гэндальф продолжал читать. "Наконец-то... обещанное исполнилось... хранилось в палате Мазарбула... жаль, что оно никогда не увидит... света". Он поднял глаза от фолианта. "Я не знаю, что он имел в виду под этими словами".

"Думаю, да", - сказал Саске достаточно громко, чтобы они все услышали. Они повернулись к нему и увидели, что он собирает паутину и вытирает грязь с чего-то на подставке для доспехов. Он закончил не сразу, и все увидели, что он чистил.

Гимли поднялся на ноги, когда увидел это. "Клянусь бородой Дурина и бородами моих предков, Балин действительно сделал это", - выдохнул он с удивлением и удивлением в голосе. "Костюм из митриловых доспехов был сделан".

"И это определенно в стиле народов стихий", - подумал про себя шиноби среди них. "Самураю было бы трудно найти ему конкурента". Каждая часть доспехов сверкала белым светом в слабом свете, падавшем на них. Цвет был серебристо-белым, за единственным исключением: красная половина веера Учихи, который был изображен на спине доу. Должно быть, гномы взяли хорошие уроки у Мадары, потому что доспехи, на которые он смотрел, были точной копией старых самурайских доспехов, таких, какие знал его предок. Она была безупречна; не было другого способа описать ее.

Даже не раздумывая, Саске достал свиток, положил его на пол и начал снимать доспехи с подставки. "Крабандир, что ты делаешь?" спросил его Леголас.

"Я забираю его с собой. Такие доспехи не должны пропадать в темноте", - ответил он. Может быть, он и не знал многого о фуиндзюцу, когда учился у Орочимару (очевидно, этим занимался Джирайя), но он знал, как сделать базовую печать хранения. Как только все части доспеха оказались на свитке, он просто направил через него свою чакру и запечатал доспех в свиток.

"Клянусь Эру", - сказал принц эльфов, когда увидел, что это произошло.

"Не удивляйтесь, это было что-то базовое", - сказал он им, вставая на ноги, и свиток исчез в рукаве его плаща.

Гэндальф снова обратился к фолианту. "Мы заблокировали ворота, но не можем удерживать их долго. Земля содрогается... барабаны, барабаны в глубине". Он посмотрел на Братство, увидел тревогу на их лицах и перевернул страницу. Пока он это делал, Пиппин отступил к колодцу в комнате и увидел сидящего на нем гнома со стрелой, вонзившейся ему в грудь. "Мы не можем выбраться. Тень движется в темноте. Нам не выбраться". Он поднял голову от страницы и посмотрел на остальных. "Они идут".

В этот момент Пиппин, движимый любопытством, нащупал стрелу и повернул. При этом череп мертвого гнома отвалился и упал в колодец. Громкий шум заставил всех повернуться в его сторону. Следом упало тело, цепь и, наконец, ведро. Шум, с которым они упали в колодец, эхом разнесся по палатам и остальной части Шахты. В это время Пиппин стоял с виноватым выражением лица.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/90002/2885089>